

Научная статья
УДК 1+316.75
DOI 10.18101/1994-0866-2024-3-64-70

КИТАИЗАЦИЯ БУДДИЗМА И ПРЕОДОЛЕНИЕ ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ФАКТОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИНЦИПОВ МЯГКОЙ СИЛЫ И СТРАТАГЕМНОСТИ

© **Хандархаева Виктория Викторовна**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;

аспирант,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
khandarkhaeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена китаизации буддизма и преодолению ограничивающих факторов с использованием принципов мягкой силы и стратагемности в Китае. Процесс вхождения буддизма в Китай в I веке н. э. и его последующей адаптации к местным традициям претерпевал много трудностей и препятствий. Подчеркивается, что столкновение индийского буддизма с китайской культурой и оппозиция с местными учениями усложнили процесс адаптации. Особое внимание уделено специфическому виду мышления китайцев, которым были присущи принципы стратагемности и мягкой силы. Показано, что переводческая деятельность буддийских сутр в Китае столкнулась с немалыми трудностями, одной из причин которых являлась специфика китайского языка. Анализируется метод гэ-и, который мягким воздействием направлял усилия на поиск целей и решения задач в переводческой деятельности, которые помогли приспособить индийский буддизм в Китае в преодолении сложностей. Выявлено, что благодаря принципам стратагемности и мягкой силы китайцы нашли спасение через более прагматичный и расчетливый путь — махаянский, который в дальнейшем представит выгодное решение в непростой ситуации с местными учениями. В успешной адаптации буддийского учения в китайском обществе освещается важная роль принципов мягкой силы и стратагемности.

Ключевые слова: стратагемность, мягкая сила, буддизм, прагматизм, расчетливость, Махаяна, Хинаяна, метод гэ и, конфуцианство, даосизм.

Для цитирования

Хандархаева В. В. Китаизация буддизма и преодоление ограничивающих факторов с использованием принципов мягкой силы и стратагемности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. Вып. 3. С. 64–70.

Индийский буддизм проник в Китай на рубеже нашей эры, и его распространение сопровождалось значительными трудностями. Сложности заключались в том, что в Китае встретились две равносильные цивилизации. До этого буддизм

успешно поглощал другие культуры, но столкновение с китайской цивилизацией выявило множество сложностей и препятствий. Однако принципы стратагемности и мягкой силы, которые присущие китайцам, облегчили вхождение буддизма в Китай. Стратагемичность и гибкость мышления китайцев способствовали успешной адаптации индийского буддизма в Китае.

Далее следует отметить и выделить ограничивающие факторы распространения и вхождения буддизма в Китай, сложный процесс приспособления буддизма к различным условиям Китая.

Во-первых, китайский подход к религии был прагматичным и ориентированным на конкретные практические цели, что исключало абстрактные концепции спасения [7, с. 184]. По мнению Л. Е. Янгутова, буддизм предполагал длинный путь спасения согласно индийскому варианту. Следовательно, китайцам, которые привыкли ценить эту жизнь с присущими им прагматичностью и расчетливостью, мгновенный путь спасения в этой жизни был близок. Не опровергали также «ценности» в этой жизни и даосы и для них были важны изобретения золота и эликсира бессмертия, что свидетельствует о прагматичности и расчетливости китайцев. Другими словами, не удивительно, что буддийское понятие «нирвана» для даосов было чуждым и далеким представлением.

В Китае принципы Махаяны и Хинаяны, которые делали упор на спасение, вызывали особый интерес, представляя два различных подхода к идее спасения. В Махаяне (大乘, Великая колесница) идея спасения содержит в себе значение о стремлении буддистов достичь Пробуждения во благо всех живых существ. В основу махаянской теории и практики входят зарождение бодхичитты (菩提心) и запредельной мудрости Праджняпарамиты (般若波罗蜜多). Отличие этих двух принципов заключается в том, что в махаянской традиции говорится о возможности спасения большого круга людей, в отличие от Хинаяны (小乘, Малая колесница), где спасение было доступно лишь ограниченному кругу монахов. В Хинаяне спастись могли только те, кто вступал в монашество, это не было воспринято китайцами. Причина заключалась в том, что китайцы, воспитанные на конфуцианском принципе почтения к родителям, не принимали обязательного ухода из семьи. Отсюда следует, Махаяна, которая провозгласила широкий круг спасения, была более близка к китайскому прагматичному менталитету, в отличие от Хинаяны. Индийский буддизм через махаянский путь применил стратагемность и мягкую силу, что в дальнейшем даст выгодное решение в непродолжительной ситуации с «традиционностью» китайцев и принятия «нового» чуждого, но практичного для них.

Во-вторых, одной из трудностей в адаптации буддизма в Китае являлся менталитет китайцев. Религиозная практика китайцев фокусировалась на достижении целей в текущей жизни, так как их менталитет был ориентирован на решение актуальных задач настоящего времени [7, с. 185]. Прагматизм, расчетливость и рациональность были присущи китайцам еще с древних времен и явились одним из ограничивающих факторов китаизации буддизма. Многими тысячами сформированным китайцам было сложно принять некоторые принципы

и понятия в буддизме. Можно привести некоторые примеры, если буддисты в этой жизни видели страдания, то прагматичные китайцы, согласно конфуцианским традициям, ценили саму эту жизнь. Если для буддиста важна подготовка для перехода в загробный мир и перерождения, то для расчетливого китайца ценность заключалась в мирской жизни. Если буддизм заострял внимание на самом человеке, что необходимо осуществлять практику совершенствования личности, и следовательно, вытекающие причинно-следственные кармические отношения, то у прагматичных китайцев это роль семьи, культ предков, в этом аспекте саму личность отодвигали на вторые роли, и это было недопустимо для них, поскольку они привыкли исполнять свой долг во имя общего блага согласно конфуцианскому канону. Л. С. Васильев считает, что помимо социальных и этических различий распространению буддизма в Китае мешало неприязненное отношение к иноземным учениям, которые не были признаны китайскими местными мудрецами. Китайцы придерживались мнения, согласно которому они не могут извлечь полезные знания от чужеземцев [4, с. 308]. Следовательно, вначале для китайцев было очень сложно перебороть эти противоречия. Однако на протяжении долгого своего периода китаизации буддизм благодаря сочетанию мягкого и стратагемного подходов, проникнет во все сферы жизни Китая.

В-третьих, буддизм привнес в китайскую религиозную систему такие нововведения, как церковная организация, монастыри с внутренними правилами поведения монахов [4, с. 186]. Например, Винаи содержат правила и предписания, регулирующие жизнь и поведение монахов, монахинь в буддийских монастырях. Эти правила охватывают различные аспекты монашеской дисциплины, включая вопросы этики, ежедневные ритуалы, взаимодействие с мирянами и другие аспекты жизни в монашеской общине. Целью Винаи является поддержание гармонии в монашеской жизни, а также помощь монахам в достижении духовного прогресса. Кроме того, буддизм привнес единый канон Трипитаку, упорядоченную систему ритуалов, пантеон божеств и иерархическую структуру священнослужителей. Л. С. Васильев отмечает, что в древнем Китае не существовало жрецов в привычном смысле этого слова, также как не было персонафицированных богов и храмов в их честь [3, с. 254–255]. Иньцы и чжоусцы не испытывали нужды в особой категории людей (жрецов), которые бы занимались поклонением в религиозных культах Неба и Земли, так как эти обязанности выполняли чиновники, находившие на службе у правителя [7, с. 186], подчеркивает Л. Е. Янгутов. Следовательно, что касалось семейных религиозных культов, то там все проходило под протекцией главы семьи или родовых кланов.

В-четвертых, период проникновения буддизма в Китай совпал с противостоянием местными учениям. В целом больше всего буддизм сдерживал даосизм. Например, дыхательные упражнения в буддийском учении китайцы расценивали как даосские практические наставления для обретения бессмертия [4, с. 309]. Даосизм сдерживал развитие буддизма посредством присвоения некоторых буддийских идей, информации и наставлений в период начального этапа переводческой деятельности буддийских священников сутр на китайский язык.

Следовательно, некоторые буддийские термины представлялись как копии даосских. При этом стоит отметить, что для буддизма поддержка даосизма была значима на первоначальном этапе, хоть даосизм и поглощал в себя «чужеземное» учение. Стратагемным и мягким путем в содружестве с даосизмом буддизм смог постепенно внедриться в китайскую культуру. Хотя первоначально даосская поддержка стала также одним из сдерживающих факторов адаптации буддизма в Китае.

В-пятых, как было выше изложено, буддизм представлялся в Китае чуждым и непонятым учением для местных. И только благодаря переводческой деятельности на китайский язык буддийских сутр в середине II в. н. э. китайцы со временем стали понимать смысл и суть буддизма. Первую переводческую деятельность отрывают переводческие труды монахов Кашьяпа Матанга (迦葉摩騰, умер в 73 г. н. э.) и Дхармаракша (竺法护, 233–310 г. н. э.) из Индии, согласно буддийской традиции, хотя до сих пор нет прямых доказательств в основании считать эту версию правдивой [5, с. 36]. Первыми основоположниками практики перевода буддийских трудов на китайский язык являются Ань Шигао (安世高, ок. 148–180 г. н. э.) и Локаракша (罗伽罗止罗, ок. 168–190 г. н. э.). Одним из значимых переводчиков буддийских сутр принято считать Кумараживу (鳩摩罗什, ок. 344–413 г. н. э.). Переведенные их труды и их последователи в дальнейшем послужат началом возникновения многих буддийских школ в Китае.

Переводческая деятельность буддийских сутр в Китае столкнулась с немалыми трудностями, одной из причин которых являлась специфика самого китайского языка. Китайский язык является одним из самых сложных древних и трудных языков в мире. Большую сложность представляют китайские иероглифы, фонетика, грамматика, произношение (тональность) и другие аспекты. По этому поводу В. М. Алексеева подчеркивает, что перевод буддийских сутр на китайский язык был непростым опытом, связанным с иностранными заимствованиями и использованием иероглифической письменности, которая не обладает «твердыми фонемами и фонемами, теряющими семему» [1, с. 453]. Перевод буддийских текстов на китайский язык был сложной задачей, особенно в плане точной передачи буддийских идей, концепций и терминов [4, с. 306]. Понадобились колоссальные усилия не одних, а многих поколений переводчиков, чтобы сформировать китайские аналогичные термины и понятия в китайском буддизме, отмечает Л. С. Васильев. Первые переводчики воспринимали буддийские сутры через призму даосско-конфуцианского мировоззрения, подбирая аналогичные по содержанию и смыслу понятия из привычной им терминологической системы [3, с. 30–31]. Для трансляции слов с буддийского языка на китайский язык применялись даосские слова, которые были наиболее доступными и понятными для китайцев того времени, что привело к появлению нового приема переводческого метода гэ-и (格义). Гэ-и является методом согласования смыслов по уже имеющимся аналогичным терминам для адекватного перевода. Обозначение иероглифов гэ-и (格义) производится из набора следующих элементов: 1) иероглиф гэ (格) — «сравнение», «измерение»; 2) иероглиф и (义) — «название», «объект»,

«понятие». Китайцы в преодолении трудностей в переводческой деятельности методом гэ-и применили стратегию и мягкий подход. Метод гэ-и заставляет мягким воздействием направить усилия на поиск целей и решения задач в переводческой деятельности, которые в дальнейшем помогли в адаптации индийскому буддизму в Китае.

По словам И. С. Болдоновой и Чжао Чуньмэй, метод гэ-и является методом всестороннего исследования и анализа через компаративистский способ на интернациональном фоне поиска похожих по значению и содержанию терминов [2, с. 30–31]. Гэ-и, основываясь на принципе приобретения нового на основе хорошо изученного старого, на самом деле представляет собой метод исследования буддийской литературы с точки зрения традиционного китайского мировосприятия. Этот метод не является переводом буддийских сутр с использованием даосской терминологии, как это иногда представляют [6, с. 40]. Метод гэ-и, конечно, упрощал понимание буддийской литературы, но, к сожалению, не обеспечивал точного представления о буддийском учении, не раскрывал глубину и суть буддизма.

Применение этого несовершенного метода привело к тому, что буддийское учение китайцы начали расценивать как одну из ветвей даосского учения [5, с. 36]. Например, буддийское слово «нирвана» рассматривалось даосским учением как «постижение Дао». Здесь мягкий подход обнаруживается в схожем, обходительном формате перевода. Так, китайцы пытались китаизировать индийский буддизм в ситуациях гибкого сходства с даосизмом. При приоритетном отношении к интересам и индийского буддизма, и местного даосизма выявляется стратегический подход. Термин «нирвана» при переводе заменялся еще другим даосским словом «у-вэй» (无为), что приводило к весьма неточному истолкованию важных терминов, идей и принципов буддизма. Следовательно, метод гэ-и представлял неясно и неточно буддийские термины и принципы на примере не только одного слова «нирвана», но и в целом всего учения буддизма. В результате этого возникла необходимость в разработке новых подходов к передаче буддийских терминов [5, с. 37]. В течение нескольких столетий разрабатывались формы, что впоследствии китайские буддисты со временем стали применять приемы переводов сутр, и термины на санскрите отображались в транскрипции китайского языка. Благодаря значительному вкладу переводчиков буддийской литературы был преодолен языковой барьер [5, с. 37]. Так, с момента проникновения буддизма в Китай и прохождения китаизации он проходит долгий непростой путь, в конечном итоге, он смог прижиться несмотря на очень многие ограничивающие факторы. Действительно, нужно было немало времени для того, чтобы буддизм смог адаптироваться в Китае. В V в. н. э. только укрепилась сильная китайская переводческая традиция, благодаря которой стало возможным глубокое понимание сути и значения буддийского учения. Этот период открыл китайцам доступ к разнообразным аспектам индийского буддизма в его различных формах и направлениях, способствуя адаптации и китаизации индийского буддизма.

Таким образом, эти пять факторов отображают трудности вхождения и внедрения буддизма в Китае. Китайцам, которые следовали традициям и древности тысячелетиями, было нелегко принять буддизм, так как по своему менталитету они к нововведениям и тем более ко всему иноземному относились настороженно. Прагматика и расчет глубоко сидят в корне у каждого китайца. Вот почему рациональным китайцам махаянская идея была ближе, чем хинаянская. Для китайцев был выгоден тот вариант, где можно было обойти острый узкий круг спасения, исключая вступление в монашество со стрижкой волос. Китайцы верили, что каждый может достичь «Дао», и не видели ограничивающих факторов в этом. Мгновенный путь спасения уже в этой жизни, следовательно, для расчетливых и рациональных китайцев был более близок, нежели длинный путь спасения. К тому же китайский язык представлял собой серьезное препятствие для распространения буддизма из-за сложности его терминов и концепций. Поэтому перевод буддийских сутр имел огромное значение, поскольку китайская культура, обогащенная местными традициями и философскими учениями с развитой китайской письменной системой, стремилась понять чужеземное учение через письменные источники. Но несмотря на все ограничивающие факторы буддизм преодолел все трудности благодаря принципам стратагемности и мягкой силе. В результате терпимости и настойчивости прохождения китаизации нескольких столетий буддизм становится значимым учением в Китае, как и конфуцианство, моизм, легизм, даосизм.

Литература

1. Алексеева В. М. Глава из истории китайского буддизма // Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1947. Т. 6, вып. 4. С. 453–455. Текст : непосредственный.
2. Болдонова И. С., Чжао Чуньмэй. Герменевтический аспект интерпретации буддийских текстов методом гэ и // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2020. Вып. 2. С. 28–36. Текст : непосредственный.
3. Васильев Л. С. История религий Востока. Москва : Университет, 1988. 426 с. Текст : непосредственный.
4. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. Изд. 2. Москва : Восточная литература РАН, 2001. 488 с. Текст непосредственный.
5. Янгутов Л. Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма / ответственные редакторы М. Т. Степанянц, Н. В. Абаев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Бурят. ин-т обществ. наук. Новосибирск : Наука, Сиб. изд-я фирма, 1995. 222 с. Текст : непосредственный.
6. Янгутов Л. Е. Традиции Праджняпарамиты в Китае. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 272 с. Текст : непосредственный.
7. Янгутов Л. Е. Трансформация религиозных и философских принципов буддизма в цивилизационном пространстве Китая // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 182–192. Текст : непосредственный.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 13.09.2024.

SINIFICATION OF BUDDHISM AND OVERCOMING LIMITING FACTORS
USING THE PRINCIPLES OF SOFT POWER AND STRATAGEMS

Viktoriya V. Khandarkhayeva

Senior Lecturer,

Dorzhi Banzarov Buryat State University,

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia;

Research Assitant,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 640047, Russia

khandarkhaeva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the sinification of Buddhism and overcoming limiting factors using the principles of soft power and stratagems in China. The process of Buddhism's entry into China in the 1st century AD and its subsequent adaptation to local traditions underwent many difficulties and obstacles. It is emphasized that the clash of Indian Buddhism with Chinese culture and opposition to local teachings complicated the adaptation process. We focus on the specific type of thinking of the Chinese, their principles of soft power and stratagems. It is shown that the translation activity of Buddhist sutras in China faced considerable difficulties, one of the reasons for which was the specificity of the Chinese language. We have analyzed the geyi method, which gently directed efforts to finding goals and solving problems in translation practice, and helped to adapt Indian Buddhism in Chinese society. It has been revealed that thanks to the principles of soft power and stratagems, the Chinese found salvation through a more pragmatic and prudent way — the Mahayana way, which would become a profitable solution for the conflict with local teachings. We emphasize the important role of the principles of soft power and stratagems in the successful adaptation of Buddhist teaching in Chinese society.

Keywords: stratagems, soft power, Buddhism, pragmatism, prudence, Mahayana, Hinayana, geyi method, Confucianism, Taoism.

For citation

Khandarkhayeva V. V. Sinification of Buddhism and Overcoming Limiting Factors Using the Principles of Soft Power and Stratagems. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2024; 3: 64–70 (In Russ.).

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 13.09.2024.